

Михаил, ты прав!

Это задумывалось как интервью. И действительно, мы встретились с Михаилом Михайловичем Жванецким в Доме актера в феврале 1989 года, я задал ему вопросы, он, естественно, тут же ответил на них. Сразу придумал я заголовок будущей беседы, он был в духе нынешнего политического лексикона – «Михаил, ты прав!».

Хоть тут же подумал, что еще несколько лет назад назвал бы этот разговор «Ворованный воздух», вспомнив удивительную фразу из «Четвертой прозы» Осипа Мандельштама: «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первое – это мразь, второе – «ворованный воздух».

Записал ответы Жванецкого. Но на бумаге его устная речь вдруг потеряла пружинистость, потеряла его интонацию. Дал ему перечитать. Но писатель – это писатель. Он взял мой текст домой, чтобы что-то добавить, а потом сел писать – то ли новый рассказ, то ли... интервью.

Чтобы было понятно, какие вопросы побудили Жванецкого к размышлениям, назову некоторые из них:

– Как сегодня определяются для тебя границы гласности?

– Что нужно делать для того, чтобы город не покидали люди талантливые – люди искусства, науки, мастера?

– Нужно ли чего-либо сейчас бояться? Преодолеи ли ты страх?

И, наконец, первый вопрос, с которого и начался наш разговор:

– Легендарный старенький портфель, с которым ты выходил на сцену многие годы, стал одной из примет нашего времени. Есть ли в нем сатирические миниатюры, которые устарели?

Такие вот «детские вопросы», после которых родился новый монолог Михаил Жванецкого.

Евгений Голубовский



МИХАИЛ, ТЫ ПРАВ!

* * *

– Да нет. Я так подумал... пожалуй, устаревших нет. Которых нет смысла читать – есть. Они не устарели – они постарели, к сожалению, остальные можно читать. Ну, может, про холеру в Одессе устарела. Ну просто потому, что холеры пока нет (тьфу, тьфу, тьфу). А как тогда жилось хорошо? А обсервация на «Таджикистане»? Это же была кампания. Сколько там неожиданных детей появилось. Вот, кстати, холера. Тоже время сложное, а какое на-строение было! Обсервация была сделана по советско-одесски. После тщательных анализов нас всех, чистых и стерилизованных, собрали на пароход, чтобы мы шесть дней ждали, не разовьются ли среди нас холерные палочки, а потом грязные машины, груз-чики стали завозить туда пиво, вино, водочку, закуску.

Все это было тогда в Одессе. И люди были тогда на месте, не было этих опустошительных отъездов.

Боже! Люди уезжают. Эвакуация. Ну что, Голубовский, мы останем-ся с тобой последними. И Деревянко с нами, он депутат, ему нельзя.

У меня опустела телефонная книжка. Я туда плохих не записы-вал. Мы остаемся одни. Правы те, кто уезжает, правы те, кто

остается. Но очень больно. Какая бы музыка ни играла. Ну и что будет дальше? Опять выгоняем интеллигенцию, будь мы прокляты. Как собак из дома – криками и проклятиями. Не хватает на все, пусть едут! И не от голода бегут, нет, не от одежды. У этих людей в нашей стране вековое чутье на гонения.

Если в наших душах осталась хоть малейшая любовь к этой стране, кто-то же должен о чем-то подумать, что-то себе представить. Если люди боятся, нужно десять раз в день говорить об их охране. Их нельзя держать, но можно удерживать.

Что же это за такая страна Америка? Мы хоть подумали над этим? Что же она нас так выручает на протяжении всей истории советской власти? Проклинаем и враждуем, а как чего-нибудь главного не хватает, премся в Америку. За паровозами, за автозаводами, за порталными кранами, за боевыми самолетами, за студебеккерами, за сульфидом и вот за хлебом. И наших людей она принимает, и сливки наши, и наши отбросы. И всех устраивает. И всем дает жилье, еду, лечение, даже пенсии тем, кто работал здесь, а отдыхает там. Почему же мы шапку не снимаем перед этой страной, где нашли приют все наши гении, от литературного до уголовного мира? Почему мы не способны на такое? Почему для нас беженец из собственной страны хуже волка?

Как врача, у которого никто не выздоровел, меня мало что волнует. Меня просто интересует: что с нами будет?

Есть ли сегодня границы гласности?

Есть, Женечка, – порядочность, достоинство. Не убивать, не склиять на убийство, не целиться в другую нацию. Подумаешь, враги. Они даже не могут ответить на вопрос, почему я плохо живу!

А почему я плохо живу?

Из-за тебя.

А я из-за тебя.

Чувствуете этот бред сивой кобылы? И убиваем-то своих. Противник цел и невредим. А когда много набьем своих с той и другой стороны, он въедет на танке и утвердится, и мы опять будем бегать уже с немой вопросом в глазах. Опять дурака сваяли. Своих надо беречь! Я в этой войне на одной стороне – на стороне порядочных и честных. И я их безошибочно найду – и безошибочно пойду с ними, и не струшу столько, сколько будет надо.

Я с Сахаровым, Травкиным, Собчаком, со своей мамой и со своей совестью. С Горбачевым, в конце концов. Тебя, Голубовский, возьми и Дервянко. Симоненко возьмем и после некоторого перевоспитания дело ему поручим. Человек нормальный. Я мало знаю одесское руководство, а вот в Ильичевске познакомился с Борисом Непомнящих, Кухарским Валерием. Наши люди из ОИИМФа, хорошую одесскую школу прошли. Не через стенгазету и комсомол, а через порт, стройку, штангу. Хотя и начальники, но приличные. Сбирать надо порядочных людей под знамя Одессы.

Время, которое мы переживаем, или которое нас переживает, сложное. Не знаю, что хорошее создается, но что-то плохое разваливается. В этих благоприятных условиях можно наловчиться и кое-что сделать для Одессы. Вот ради этой Родины – Одессы, и ради этой партии – одесской. Не знаю, то ли прямо с Одессы, то ли начать с Ильичевска, и создавать здесь свободную экономическую зону.

Я, кстати, живу на Старопортофранковской.

Построим на берегу Одесского залива новый Сингапур, без налогов и пошлин. То есть граница и таможня отодвинуты вглубь после города, а не перед ним. Всем выгодно. Все, что строится на территории СССР, все, что производится, – для СССР и других стран, но здесь все свободны, люди и материалы перемещаются по всему свету. Скумбрия появится в Одессе. Она бежала. Она вернется.

Симоненко, мэр, тоже болен этой идеей. Он одессит. Любит маму и котлеты. Альпинист, в общем, не с улицы, а со специальностью. Он может это дело пробить. Только его надо крепко держать, чтобы этим и только этим занимался, и только правду говорил. И только граждан своих слушал. И только на граждан своих работал. Он город знает. Дело знает, парень красивый, да и другого нет. Конечно, смелось они все растеряли, пока ими другие командовали. Так партия от хозяйства отходит. А город должен начать жить самой красивой и долгой жизнью.

Надо еще пожить в новом городе, рано нам помирать на хилых фронтах гражданской войны. Если Азербайджан хочет отделиться, я его отпускаю. И Прибалтику отпускаю. А Одесса будет в свободной зоне.

И такая у меня мысль: «Всемирный клуб одесситов».

Все, кто уехал, все, кто остался, должны стать членами этого клуба. Взносы обязательны. Допустим, 100 рублей и 100 долла-

ров в год. На эти деньги по особому заказу мы приведем в порядок чью-то могилу и чью-то квартиру, проложим куда-то дорогу, построим пару отелей для членов клуба. Я серьезно! Купим пару дач под Одессой. Пусть он живет в Америке, но если он член клуба, для него и семьи месяц в Одессе забронирован. То же самое для одессита где-нибудь в Лос-Анджелесе!

Нас здесь около миллиона и там тысяч двести или сто пятьдесят. Денег хватает.

Симоненко я это дело рассказал, он закричал – я вступаю! Чего кричать? Все вступят. И не так уж эта идея наивна.

Невозможно расстаться с Одессой. Я это знаю по себе. Думаю, и тем, кто еще дальше сорвался, совсем неплохо будет иметь свое законное место в Одессе. Это же чего-нибудь стоит!

«Приезжайте. Между Вами и Вашими неприятностями встанем мы – «Всемирный клуб одесситов».

И не будет трагедией сегодняшний отъезд наших друзей, и не будем мы с ними так горько прощаться. Америка – не тот свет. Хоть и не этот.

Мы здесь остаемся! И давайте не бояться друг друга. То есть страх испытывать можно, но бояться не надо. Хватит! 70 лет боялись, боялись, дрожали. И что? И ничего! Нас сажали, и мы подыхали под занавешенными окнами соседей.

Ничего не бояться и на крик соседа выходить всем!

Мне что-то всегда казалось, что порядочных людей больше. А чтобы не было крови, ее надо не бояться.

Да и устали уже.

И о городе думать надо.

И работать для него надо.

И времени уже нет.

Михаил Жванецкий

«Вечерняя Одесса», 23 февраля 1989 года

Перепечатывается впервые